

С. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Публикация Е. И. Хмельницкой

Предисловие Геннадия Геродника

О МОЕМ ОДНОПОЛЧАНИНЕ СЕРГЕЕ

Наша дивизия стояла в обороне на участке Ленинградского фронта напротив Пушкина. Холмистые берега Славянки на несколько километров были изрыты окопами и ходами, в них укрылись сотни землянок. Многочисленные изгибы речного русла в мирное время привлекали внимание только писателей и поэтов, которые, описывая речку, очень охотно употребляют оборот «замысловато петляла». Теперь же каждый поворот приобретал важнейшее практическое значение: в одних случаях он надежно укрывал берега от обстрела немецких минометов и артиллерии, в других, наоборот, — подставлял их под удар.

Фронт был настолько стабилен, что в километре-двух от переднего края наши артиллеристы, медсанбатовцы и саперы сажали в речной долине картошку и овощи. Это давало шутникам повод придумывать для нашей дивизии всевозможные прозвища, вроде пригородно-подсобная, пехотно-овощеводческая, стрелково-огородная...

Прибыв летом сорок третьего года под Пушкин, я сразу обратил внимание на патристические стихи в нашей «дивизионке» за подписью красноармейца Сергея Хмельницкого. Если мне не изменяет память, публиковались они и в газете 42 армии «Удар по врагу». Задушевная, отражающая душевную боль и волю к победе лирика патриота-ленинградца мне очень нравилась.

Познакомиться с поэтом-однополчанином лично мне довелось при следующих обстоятельствах. Я был тогда «радиосолдатом», диктором окопной говорящей установки — ОГУ. По ночам наша команда, состоявшая из четырех-пяти человек, странствовала по окопам переднего края и вела передачи для войск противника. Однажды октябрьской темной ночью нас, «огушников», задержал патруль — двое вооруженных автоматами бойцов. Обменялись паролями, поговорили, посмотрели, как впереди немецкие ракеты вычерчивают в небе разноцветные параболы...

Вдруг один из бойцов патруля — невысокий и щуплый — сильно закашлялся. Кашлял он своеобразно: не гортанью, а прямо легкими, с натужным присвистом, будто задыхался в облаке удушливого газа. Его товарищ наблюдал за ним без особого беспокойства, в позе терпеливого ожидания. Видимо, для него это было не впервые.

В землянке комроты мы узнали, что разговаривали с Сергеем Хмельницким. Писатель болен тяжелой формой астмы, но «комиссоваться» не хочет. Пока держится.

26 декабря меня и Хмельницкого откомандировали из дивизии в распоряжение штаба Ленфронта — на курсы военных переводчиков. До Ленинграда добрались поздно вечером. Решили переночевать у Хмельницкого, а на курсы явиться утром.

С. И. ХМЕЛЬНИЦКИЙ
 Фотография, 1942
 Собрание Е. И. Хмельницкой,
 Ленинград

Многоэтажный дом на Барочной снаружи казался нежилым, но внутри все же слабо теплилась жизнь. Мы вошли в типичную ленинградскую квартиру блокадных лет: плотно замаскированные окна, покрытые копотью потолки и стены, «буржуйка» и колена уродливых жестяных труб, уходящих в небрежно сделанный в стене пролом. Но сейчас мы смотрели на все это не с точки зрения довоенного уюта, а сравнивали с нашим окопным бытием. И считали, что нам здорово повезло: хоть одну ночь переночуем с комфортом, в настоящих постелях.

Сергей Исаакович прежде всего подошел к полкам с книгами. Он брал томики Пушкина, Бунина, Есенина, Шенье, любовно держал их в руках, жадно листал страницы и вслух прочитывал отрывки.

Жены Сергея Исааковича, детской писательницы Екатерины Алексеевны Борониной, в тот вечер дома не было. Она выезжала с бригадой писателей на фронт и вернулась очень поздно. Стали хозяйничать сами. Распотропив несколько толстых журналов, затопили печурку. Достали из «сидоров» паек, взялись готовить ужин. Экономно подбрасывая по несколько листиков, поддерживали равномерный огонь. Когда застывшая жечь прогрелась, Сергей Исаакович огляделся вокруг и прочитал четверостишие:

О чурь родные! Ау! Отзовитесь!
 Наверно, замерзли? На службе томитесь?
 Мы печку натопим — нагреется дом,
 Вам место найдется за нашим столом.

— Чурами древние славяне называли души своих предков, — разъяснил Сергей Исаакович смысл этой импровизации. — Их приглашали на праздничную трапезу, угощали... Вот я и подумал, глядя на свою холодную квартиру: «А где же наши добрые чурь? Как они переносят блокаду? Надо позвать их и угостить шпешным концентратом».

Сергей Исаакович достал с полки небольшого формата книжку и протянул мне.

— Вот... прочитайте на досуге... Здесь и о чурь найдете

Это была историческая повесть Хмельницкого «Каменный щит» — о Руси времен нашествия Батия. Так я узнал, что Сергей Исаакович в основном прозаик, а поэзия — это его второе призвание. Повесть я прочитал урывками, уже будучи на курсах. Она понравилась мне своей поэтичностью и глубоким художественным проникновением в культуру и детали быта столь отдаленной исторической эпохи.

Курсы переводчиков, запланированные на три месяца, просуществовали немногим более одного. Ход событий ускорило весьма счастливым обстоятельством: 27 января Ленинград был окончательно освобожден от вражеской блокады. 5 февраля мы уже догоняли свои дивизии.

Вскоре через Екатерину Алексеевну я получил номер полевой почты Сергея Исааковича. Мы обменялись несколькими письмами. В марте он написал мне примерно следующее: «Моя астма ведет себя, как надоедливая, привязчивая дама. Притом к весне ее активность возросла. Возможно, это объясняется тем, что мне присвоили офицерское звание...». Иначе говоря, состояние здоровья Сергея Исааковича резко ухудшилось, в апреле 1944 года его демобилизовали.

Встречался я с Хмельницким и в мирное время. Бывая в Ленинграде, заходил к нему на Барочную. Он, как всегда, много работал. Хотя болезнь все чаще отрывала его от письменного стола, в послевоенные годы он написал «Рассказы военного следователя», художественную биографию «Пржевальский», много переводил, выступал с критическими статьями.

Еще больше собирался сделать. Писал большой роман из современной жизни, работал над пьесой для детского театра, собирал материал для романа о Лермонтове... Но этим планам не суждено было осуществиться, «привязчивая дама» доконала писателя. Умер Сергей Исаакович в 1952 году, в возрасте сорока четырех лет.

Став на защиту родного города с автоматом в руках, поэт-солдат не расставался с пером. Мы рады случаю познакомить читателей «Литературного наследства» хотя бы с некоторыми фронтовыми стихами Сергея Хмельницкого.

* * *

Посвящается А. Л.

Над водой балтийской стелется дым,
Стреляет в туман Кронштадт.
Стальными утесами из воды
Разбитый встает «Марат».

И дыханьем своих громадных труб,
Огнем своих батарей —
«Я жив!» — этот серый железный труп
Стране говорит своей.

Военной ночи обширная мгла
Окутала город, и Русь
Одна только в памяти так светла,
Что темным себе кажусь.

Война, опалившая отчий край,
Ты ее не темни лица!
Ты стужи мне долю ее отдай,
И голода, и свинца!

Кронштадт закутался в ночь, как в дым.
Над морем огни не горят.
Сереющим островом из воды
Бессмертный встает «Марат».

* * *

К последнему, Уленька, я подошел рубежу.
 Но стонет железо: «Найду его, спать уложу!»
 Нашло. Среди поля я лег. Обо мне не печалься,
 Некошених трав стебельки надо мною качались.
 Глядели очами незрячими травы в росе,
 Как длинный покойник лежит на ничьей полосе.

И ты не дожدهшься. Но был я душой дивизьюна,
 И я возвращусь. Я приду к тебе с Волги и с Дона,
 С Невы, отовсюду, где рать уцелела моя,
 И каждый, стуча, тебе скажет: «Открой, это я!»
 И ты, что была мне невестой, сестрой и женою,
 Открой свою душу для всех, кто сражался со мною

1943 г.

Из неоконченного романа «Завещанный путь».

* * *

По земле суровой ленинградской,
 Молчаливой доблести уча,
 Сколько их прошло со скаткою солдатской
 И винтовкой русской у плеча.

Сколько в зной усталых ног шагало!
 Сколько в стужу коченело рук!
 Ждать ли, чтоб меня лишь миновала
 Чаша, обошедшая весь круг?

К ней прильнув, и радуясь и мучась,
 Труд и беды пьют мои друзья.
 Почему великую их участь
 Разделить не должен с ними я?

Сколько гордых танками раздавлено!
 Сколько ринулось в огонь и дым!
 Сколько их погибло и прославлено!
 Почему я должен быть живым?

1943 г.